

**ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ТЕРМИНАХ ID И SUPER-EGO НА
ПРОСТРАНСТВАХ ДИХОТОМИИ МОСКВА-ТУРКМЕНИЯ (ПО
МАТЕРИАЛАМ ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»)**

Глушенкова О.А.,

научный руководитель д-р.филол.наук, профессор – Н. В. Ковтун.

«Век психоанализа» венчает высказывание Ницше о мертвом Боге, отпевая религиозного авторитета, одновременно помазав авторитета естественника – врача-психоаналитика и концепции психоанализа, опровергнув в корне высказывание немецкого мыслителя. Находясь на пороге неклассического типа мышления, общество неожиданно рождает концепцию, по своему смелому содержанию далекую от объективных универсалий классики, но по форме и структуре полностью классическую.

Учение З. Фрейда, по многим содержательным моментам признающееся сегодня абсурдным, в начале XX века переворачивает представление мыслителей о человеке, человеческой психике. Имплицитно или же явно – под влиянием психоанализа находятся многие. А. Платонов, написавший свои основные произведения после 20-х годов, то есть, через несколько лет после публикации лекций, прочитанных Фрейдом и объединенных в фундаментальный труд «Введение в психоанализ», находился под влиянием психоанализа скорее в имплицитной форме, так как нет достоверных источников о знакомстве воронежского писателя с психоаналитической теорией личности. Тем не менее, формула «идеи витают в воздухе» легитимирует использование классической психоаналитической концепции в анализе текста А.Платонова, даже с претензией на аналогичный смысл, вкладываемый последним.

В повести «Джан» (1935) прослеживается четкое разделение пространств: главный герой, Назар Чагатаев, находясь в Москве, вспоминает, как уехал, будучи ребенком, из Туркмении, Родины народа Джан. В сознательном возрасте, получив образование, он возвращается обратно, чтобы выполнить долг – навязанный Москвой (возможно, из бессознательного стремления вернуться в материнское лоно), затем возвращается в Москву. Таким образом, возникает дихотомия личности Чагатаева, проецируемая в пространства Москва-Туркмения. Важно подчеркнуть, что Туркмения остается неназванной в повести, обозначается просто родиной Назара, местом, где живет народ Джан. Сам процесс «называния», фиксирования в печатное слово, характерен для более развитой психики, способной проецировать означающее, имя, на множество различных по своей форме, представленных в объективной действительности означаемых.

Читатель знакомится с Назаром Чагатаевым во время его пребывания в Москве, имя главного героя подчеркивает разрыв между пространствами: зачатый от русского солдата, он наследует фамилию отца и имя, данное ему матерью – Назар, которое очень распространено в Средней Азии, переводится как «Посвященный Богу». Главный герой действительно с самого начала не принадлежит себе, только другим людям. На выпускном вечере, после которого молодые специалисты должны разойтись «для строительства счастья на всей земле», Чагатаев знакомится с женщиной, которая становится его женой. Super-Ego, будучи бессознательными, культурными установками человека на соблюдение морали проявляется не в Назаре, который «не умел терпеть силу своей жизни» и которого «оскорбляла чужая недоступность», а в его жене - Вере, что «боялась погубить в страсти свое бедное утешение» [1; С.6] и была недоступна для молодого мужа, так и не допустила близости с ним.

Чагатаеву чужды моральные установки, равно как и шлаки отсутствия морали – в этом смысле он представляет собой некий ноумен, существующий вне опыта, сам по себе. Он принимает дочь Веры, становится отцом уже зачатого ребенка и не строит рефлексию, уместную в данном случае. Он делает это просто потому, что он делает это. В личности главного героя нет бессознательного пласта Id и Super-Ego, питающего оценочные суждения, взгляд Назара на его положение как в Москве, так и в Туркмении можно соотнести со взглядом евнуха души, уже знакомого по другому произведению А. Платонова – «Чевенгур». Тем не менее, именно Москва, вырастившая Чагатаева, отправляет его исполнить свой долг и вернуться на Родину, куда и попадает главный герой, приехав на поезде. Поезд – один из магистральных символов в творчестве писателя, обозначающий развитие, качественное изменение в движении. Исключение составляет поездка Назара – в рамках психоаналитического концепта движение поезда уместнее назвать обратным движением – деградацией, сползанием в «темные дебри» Id, представленные песками, Родиной народа Джан и его жителями.

Чагатаев покидает дом, будучи ребенком:

«Старая мать его, туркменка Гюльчатай, надела ему шапку-папаху, положила в сумку кусок старого чурека и еще добавила лепешку, испеченную из растертых корней камыша, катрана и ярмалыка, затем дала тростинку в руку, чтобы вместо старшего друга шло растение рядом, и велела идти» [1; С.6]

В младенческом возрасте ребенок неотделим от матери, питаясь ее молоком, он представляет себя одним с ней существом, не осознавая себя как отдельную личность, что З. Фрейд зафиксировал как оральную фазу развития, концентрацию на материнской груди. Завершение данного этапа происходит одновременно с осознанием себя как отдельной от матери личности, что ярко показал А. Платонов в болезненном переходе, замене матери тростинкой – символа постепенного лишения. Мать главного героя – Гюльчатай, пространство Туркмении, в котором он не осознает себя и из которого должен выбраться, чтобы в дальнейшем проецироваться на отца, кормильца, любовь которого, в отличие от материнской, не бессознательная, требующая поступков.

Москва, означаемая для большей наглядности образом Сталина, выступает для Чагатаева отцом, вскормившим его и поставившим на ноги. Москва же и гонит его назад, для свершений, платы за свою осмысленную любовь – товарищескую поддержку под доминантный аккорд последних слов повести: «Чагатаев убедился теперь, что помощь к нему придет лишь от другого человека» [1; С.66]. Ключевое слово здесь «Другой», ведь осознание себя, объективация происходит только посредством другого.

Оно или Id в психоанализе описано З. Фрейдом как совокупность инстинктивных влечений. Обнаружив себя в песках Родины, Чагатаев остается собой, ноуменом, без оценки происходящих сексуальных связей как явных (Муххамеда и девочки Айдым), так и имплицитных (инцестуозного порыва его матери «Старуха стала целовать его шею, грудь через одежду, руку, ползя лицом по человеку, и проверяла, и рассматривала вблизи все его тело: целы или нет его части, не отболело и не потеряно ли что-нибудь в разлуке») и просьбы Моллы Черкезова привести ему ослицу, чтобы «жить с ней по ночам и не было мыслей и бессонницы».

Все происходящее в этом материнском лоне пронизано инстинктами – поиск еды и размножения, если на последнее остаются хоть какие-то силы. Однако главный герой мыслит и действует здесь так же, как и в Москве: выходя из института, он обращает внимание на предметы вокруг, бродя по пустыне, он обнаруживает мертвого красноармейца и предается размышлениям над ним, равно как и над вещами вокруг него, не акцентируя разницу между мертвым полностью и когда-либо живым. Лишь однажды он осознает всю изменчивость инстинктивных порывов этого места, что подчеркивает автор его восклицанием: «...далеко Москва, он здесь почти один, кругом

камыш, водяные разливы, слабые жилища из мертвых трав. Ему скучно стало по Москве, по многим товарищам, по Вере и Ксене, и он захотел поехать вечером в трамвае куда-нибудь в гости к друзьям» [1; С.22].

Осознание другого места, отличного от места его взросления и становления как индивида, выражено лишь однажды, скудность пищи и тяжесть условий на протяжении всей повести не ломают героя, что доказывает не силу духа и смелость намерений, но абсолютную отреченность, границу между сознанием и бессознательным, наглядно показанную З. Фрейдом в метафоре айсберга. Назар Чагатаев не в Москве и не в Туркмении, он отделен от них водной гладью, он на поверхности, тогда как эти пространства – моральные установки на долг и инстинктивные порывы – находятся под водой, в бессознательном. Воспоминание о Москве – единственное истинное человеческое высказывание Чагатаева, страдающего в пустыне, скучающего по комфорту, однако мгновение спустя в нем вновь говорит Москва, символизирующая долг перед отцом: «Но Чагатаев быстро *понял себя*. «Нет, здесь тоже Москва!» – вслух сказал он и улыбнулся» [1; С.22].

Таким образом, личность главного героя писатель делит на 3 части, соответствующие психоаналитической концепции личности – Id, Ego и Super-Ego. **Id** – как Родина, мать, пески неназванной Туркмении, непроизносимое Оно, неназванное, **Super-Ego** – в его фамилии Чагатаев, в Москве, где «молодой нерусский человек» много лет ел и учился «без упрека», на пространстве, вложившем в него веру в обязательства перед своей второй Родиной. И, наконец, **Ego** – в имени Назар, которое только и остается главному герою, «Посвященный Богу», то есть, самому человеку сознательному, Эго, не меняющемуся в своих мыслях под влиянием «подводной части айсберга»: бессознательные порывы первых двух частей Платонов спроецировал на изменяющиеся пространства и других людей, сплетенных в Универсум одной личности Назара Чагатаева – в Москве и Туркмении.

1. Платонов А. Потомки Солнца. Рассказы и повести. М.: Правда, 1987